

ДИСКУРСНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ: К ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОЙ ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

Давкова И. Э

Как свидетельствуют эмпирические наблюдения и экспериментальные исследования последних лет, хорошее знание лексической и грамматической системы чужого языка не является гарантией успешной коммуникации. Для обеспечения полноценного общения участвующему в диалоге не в меньшей степени необходимы другие знания.

Компетентно решить коммуникативную задачу в акте говорения не означает только умения функционально отобразить свое коммуникативное намерение в координатах «я — здесь — сейчас» по линии «интенция $\longrightarrow$ [?] $\longrightarrow$ форма выражения»*. Умение успешно решить коммуникативную задачу также означает такую способность коммуниканта, когда он может, правильно просчитав следующий диалогический ход (свой и партнера!), задумать и создать нужный смысл в

---

* Знак вопроса в этой цепочке сигнализирует о том, что изоморфизма между любыми смысловыми феноменами, особенно интенциональными, и языковой формой быть не может в силу фундаментальных онтологических свойств языка. Это подчиняется «закону С. Карцевского» об асимметричном дуализме языкового знака (см. в: Карцевский С. О.. Об асимметричном дуализме лингвистического знака//Звегинцев В. А. История языкознания XIX - XX веков в очерках и извлечениях. - ч. П. - М.: Просвещение, 1965. - с.85 - 90.), который действует не только в системе языка в целом, но и внутри этой системы во взаимоотношениях между относительно самостоятельными компонентами этой системы, ее достаточно автономными блоками. Признание этого постулативного обстоятельства имеет важное значение как в теоретическом, так и в практическом плане, поскольку это признание должно было бы сразу положить конец попыткам строить курсы обучения иностранному языку по прямолинейной схеме «интенция $\longrightarrow$ способ выражения».

будущем, учитывая «общее прошлое» и пребывая при этом в настоящем. Получается, что этот процесс как бы не имеет начала и конца. Под «общим прошлым» понимается пресуппозиция. Ее элементы определяют рамку, в которой должен разворачиваться любой диалог. Свидетельством общего фонда знаний может являться, к примеру, отсутствие переспросов и уточнений в текущем диалоге.

Речемыслительная деятельность (термин С. Д. Кацнельсона) опирается на некоторые компетенции.

Обратимся к ван Эйку, который выделяет следующие виды компетенций (Jan A. van Ek, 1990). Это:

- лингвистическая компетенция,
- социолингвистическая компетенция,
- дискурсная компетенция,
- социокультурная компетенция,
- социальная компетенция,
- стратегическая компетенция.

Однозначно нельзя отрицать существование лингвистической (или языковой) компетенции, которая предполагает в сознании человека наличие знаний (когниций) о языковых структурах.

К примеру, если взять тексты лингвистических сказок Л. Петрушевской («Пуськи бятые» и т. д.) или пример Л. В. Щербы «Глокая куздра штэко будланула бокра и курдячит бокренка», то любой носитель русского языка скажет, что это написано по — русски, хотя здесь нет никакой референции, никакой прагма — или социолингвистической рамки. О том, что сказки Л. Петрушевской написаны на русском языке, подсказывает нам наша лингвистическая компетенция — знания структуры русского языка. Уместно здесь отметить тот факт, что в последнее десятилетие прагмалингвистика

обратила внимание на то, что в самой системе языка «встроены» потенциалы и использования языка как средства общения. В своем диссертационном исследовании Е. П. Савельева показала, что сама система лексики внутри подсистемы языка создает определенную прагмалингвистическую рамку (см. об этом в: Е. П. Савельева, 1991). Особенно справедливо это положение для грамматики и синтаксиса русского языка. Простейший пример этому — односоставные и двусоставные предложения, которые потенциально создают русскому человеку фрейм; в котором он во многом «будет жить».

Из сказанного вырисовывается вполне определенная лингводидактическая задача: как оптимизировать представление структурных схем русского предложения через их лексическое заполнение, предполагая существование определенного лексического предпочтения при реализации семантики синтаксических схем?

Под социолингвистической компетенцией ван Эйк понимает функциональную стилистику. Эта проблема решена русской наукой приблизительно 50 лет назад.

Нельзя не согласиться с определением социокультурной компетенции. Безусловно то, что адекватность понимания коммуникантов должна быть подкреплена общей пресуппозицией социально — культурного плана. Сюда, как нам думается, должна примкнуть выделенная ван Эйком в особый вид и социальная компетенция. Социокультурная компетенция имеет отношение применительно к речемыслительной деятельности. Но есть и другие ее аспекты, которые с языком не связаны. Это, например, страноведческие знания (можно ведь знать о культуре Японии, не зная японского языка) и др.

Стратегическая компетенция «войдет» в дискурсную компетенцию.

Д и с к у р с н а я к о м п е т е н ц и я, в нашем понимании, — это способность, или компетенция, построения в динамике продуктов речемыслительной деятельности.

Нужно учитывать, с одной стороны, дискурсную компетенцию в текстах как визуально читаемых продуктов, а, с другой стороны, — в продуктах, которые не затрагивают тексты или предполагают их опосредствованно. В этом отношении интересен объект, который создала О. А. Лаптева — устная научная речь (УНР). УНР часто представляет собой смешанную форму общения. Другой пример — артефакт — искусственно созданное явление как материально наблюдаемая модель изучаемого объекта. Пример артефакта — расшифровка магнитофонной записи устной спонтанной речи. На результат расшифровки обязательно накладывается субъективизм интерпретации. Артефакт противопоставляется факту (а факт — это, например, глава из романа Л. Н. Толстого «Война и мир»).

Трактовка дискурсной компетенции у ван Эйка сводится лишь к речевому этикету.

Отметим отдельно, что мы не выделяем коммуникативную компетенцию, считая, что есть коммуникативная способность, которая, по — видимому, является для человека врожденной. Реализацию этой способности С. Д. Кацнельсон назвал речемыслительной деятельностью.

Итак, в д и с к у р с е оказываются «сцепленными» три компетенции, а именно:

- лингвистическая (или языковая),
- социокультурная,
- дискурсная.

Здесь особо следует прояснить наше отношение к терминам «дискурс», «дискурсный подход», «дискурсный анализ».

Слово «дискурс» восходит к латинскому «дискураре». Это означает «движение челнока», то есть движение назад и вперед, в то время как машина ткёт ткань. Значит, «дискурс» — это «создание ткани». Именно из этих представлений возникла идея дискурсного анализа, который, как и любой другой анализ, представляет собой комплекс исследовательских процедур (например, установление имплицатуры или определение топикализации) над объектом. Д и с к у р с н ы й ж е п о д х о д является единым методологическим принципом, который исходит из идеи о возможности создания и н т е р п р е т а ц и о н н о й м о д е л и самого п р о ц е с с а построения любого языкового продукта.

Если принять лучшее, на наш взгляд, определение дискурса, предложенное в семиотическом словаре А. Ж. Греймаса и Ж. Курте, то дискурс можно охарактеризовать так: «В первом приближении дискурс можно отождествить с семиотическим процессом и все множество семиотических фактов (отношений, операций и т. д.), располагающихся на синтагматической оси языка, рассматривать как относящееся к теории дискурса» (см. в: Греймас А. Ж., Курте Ж., 1983).

Хотя чуть ниже авторы справедливо сетуют на то, что «в некоторых европейских языках, не имеющих термина, эквивалентного франко — английскому «дискурс», его вынуждены были заменить термином «текст», и соответственно говорить о лингвистике текста (*linguistique textuelle*) (там же). Из дальнейших рассуждений становится ясно, что они принципиально противопоставляют «ф р а з о в у ю л и н г в и с т и к у», в рамках которой «дискурс рассматривается как результат (или операция) связывания (конкатенации) фраз (там же, с.489), д и с к у р с и в н о й л и н г в и с т и к е, которая, «напротив, принимает за исходную единицу дискурс, рассматриваемое как з н а ч и м о е ц е л о е (разрядка моя — И. Д.), в таком случае фразы будут только сегментами (или фрагментами)

дискурса — высказывания» (там же, с.489).

Идея «первичности» целого — системы по отношению к составляющим компонентам, конечно, совершенно не нова, но в лингвистике реализация этой идеи сталкивается с существенными методологическими проблемами.

Первую из возникающих проблем достаточно четко формулируют уже цитированные нами авторы.

«Если в качестве исходной точки, — пишут они, — постулировать, что высказывание — дискурс образует единое целое, то искомые процедуры должны носить не индуктивный, а дедуктивный характер, и заключаться в разложении дискурса как единого целого на составляющие его части (разрядка моя — И. Д.). Если к тому же процедуры дополняются генеративным подходом, то семиотическая теория приходит к тому, чтобы рассматривать дискурс как некоторое устройство наподобие «слоеного пирога», состоящее из некоторого количества уровней, расположенных на разной глубине...» (там же, с.489 — 490).

Мы позволили себе столь пространные выписки из «Словаря» французских лингвистов лишь потому, что, давая лучшую, на наш взгляд, экспозицию дискурсного подхода, наши авторы подводят с неизбежностью к выводу, что дискурсный подход, как и любая дедуктивная концепция, имеет по преимуществу интерпретационный характер и не может претендовать на выяснение онтологии тех структур, которые получаются в результате реализации этого подхода. Это значит, что в принципе возможно любое количество дискурсных интерпретаций для каждого коммуникативного продукта, которые будут различаться лишь исходным концептуальным аппаратом.

Дискурсная компетенция «обнаружила» себя по ходу развития дискурсного анализа, фокусом которого является построение динамической модели

речемыслительной деятельности. Дискурсный анализ пытается на базе идей прагматики, теории речевых актов и процедурной семантики построить новую модель «семиотического процесса», понимаемую как порождающая система, но в ином, нежели в школе Н. Хомского, понимании «порождения». Знания о динамических механизмах речемыслительной деятельности могут быть представлены исчислимым списком устойчивых диалогических дискурсных схем, которые являются микстом когнитивных и системных единиц языка.

Исследования А. Р. Балаяна и учеников его школы показали, что на периферии языка — системы существуют особые языковые формы — устойчивые дискурсные схемы (УДС), которые усваиваются человеком в результате речевого опыта и «уходят» в подсознание в дополнение к собственно структурной грамматике. Когда формируется языковая когнитивность (лингвистическая компетенция), то есть когда оформляется в сознании человека лингвистический процессор, то формируются и дискурсные схемы, они интериоризируются в его мозгу и действуют наряду с ядерными схемами языковой системы. Конечные списки устойчивых дискурсных схем можно считать фрагментом дискурсной грамматики, с помощью которой описывается переход от языковой системы к речи (см. об этом: А. Р. Балаян, 1972, А. Р. Балаян, С. Г. Борзенко, 1983, Давкова И. Э., 1994).

Таким образом, «другие знания», о которых было сказано в начале данной статьи, необходимые для обеспечения полноценного процесса коммуникации и которые необходимо формировать при обучении диалогу, относятся к перспективным схемам построения общения в различных социометрических вариантах.

О с н о в а м и д и с к у р с н о й к о м п е т е н ц и и как функциональной системы являются устойчивые дискурсные схемы, которые могут быть определены как нежесткие фреймы сценарного типа (статичес-

кие фреймы + динамические фреймы).

Что такое УДС (устойчивые дискурсные схемы)?

Это, во — первых, фрейм, то есть обобщенная структура реплицирования, во — вторых, — это само интенциональное поле, образованное множеством вариантов с инвариантной характеристикой (например, поле «Согласие», поле «Уточнение», поле «Удивление», поле «Сомнение», поле «Возражение» и т. д.), в — третьих, — это потенциальное отображение одного интенционального поля в другое поле. УДС — это единица и множество, это статика и динамика, поскольку варианты стимула предполагают множество реактивных дискурсных отображений.

Устойчивые дискурсные схемы представляют собой лингво — когнитивную сущность и являются функциональной основой диалогического дискурса.

Устойчивые дискурсные схемы относятся к «language» («языковление», процесс бытийствования (по Ф. де Соссюру).

К компонентам дискурсной компетенции относятся принципы сцепления — когезия и когеренция.

Когезия, когезивность, эстафетность — это потенциальная возможность двум репликам «быть вместе». Релевантными оказываются условия совместимости двух интенций в диаде

{S — , где S — стимул, а R — реакция.

{R —

Необходимо обратить внимание на существование общечеловеческих и национально — культурных когезивных моделей (вопрос этот еще мало изучен, но имеющиеся результаты дают основание предположить, что различия существуют).

Когеренция важна здесь не как простая связь между репликами, а как сценарий топика, как сопряжение функциональных дискурсных блоков,

частей разговора, которые приводят к репризности, завершенности. Когерентность должна рассматривать и межтопикальные отношения.

В координаты дискурсной компетенции «встроены» дискурсные стратегии и тактики общающихся как главные параметры общения (уклончивый ответ, притворное согласие, проявление равнодушия к теме разговора и т. д), а также параметры, относящиеся к лингвистической (языковой) и социокультурной компетенциям.

Итак, существуют дискурсные фреймы — сценарии (последовательность тактических ходов), которые имеют общечеловеческую схему и национально — культурную схему. Существует когнитивная база фреймов — это общие дискурсные смыслы, которые безотносительны к прагмалингвистической рамке. Затем они «попадают» в конситуацию, в определенный контекст, где начинают учитываться субъективные установки и межсубъектные отношения. Происходит как бы «перекодировка» (Н. Хомский) в соответствии с другими кодами, смыслами, осуществляется реализация с добавлением других смыслов, кодов. На «выходе» приобретает «плоть и кровь» реальной диалогической реплики и, соответственно, реального диалогического отрезка, где он наполняется конкретными словоформами, кодом языка — системы.

Концентры(или уровни) «перекодировки» соответствуют трем компетенциям — лингвистической, социокультурной и дискурсной.

Дискурсная компетенция — это конечный фильтр (вроде ОТК!), где происходит взаимодействие частиц, когда определяются параметры смыслов. Этот факт, однако, не создает иерархии среди компетенций, хотя можно сказать, что социокультурная компетенция менее связана с языком, чем дискурсная.

Перейдем к методическим проблемам. Здесь встает старая проблема «типового диалога» в учебниках. Типовой диалог в учебниках оформлен как

некоторый текст. И если даже он может быть использован как типовой диалог, то есть быть отражением реальных речевых форм, то он обязательно должен быть потом «дискурсно переработан». Дискурс этого текста должен быть обязательно представлен обучаемому.

Позволим себе в качестве примера привести один анекдот, имеющий «дискурсную подоплеку». У армянского радио спрашивают: «Правда ли, что вчера Петросян выиграл у Фишера партию в шахматы?» Армянское радио отвечает: «Вообще Вы правы, но допустили несколько неточностей: во — первых, — не «Петросян», а Амбарцумян. Во — вторых, — не «у Фишера», а у Алабяна. В — третьих, — не «выиграл», а проиграл. В — четвертых, — не «в шахматы», а в нарды. А в остальном — все правильно». И, действительно, в основном — все правильно. То есть здесь имеет место такой фрейм: «некто вчера играл партию в какую — то игру с кем — то с определенным результатом». Это — ядерный фрейм приведенного в пример анекдота. Каков же ядерный фрейм диалога, который предлагают часто обучаемому, — неизвестно. До этого обычно никогда не доходят.

При оформлении типового диалога как дискурса обучаемому должен быть предложен множественный выбор стратегий и тактик. Типовой диалог необходимо «погрузить» в некоторую конситуацию, которая будет описываться релевантными прагмалингвистическими параметрами. Без этого трудно себе представить обучение диалогу и контроль.

В настоящее время проводятся широкие сопоставительные исследования дискурсных стратегий в разных языках, изучаются соотношения между этими стратегиями и ядерными структурами языковой системы. Результаты этих исследований необходимо использовать в подготовке нового поколения учебников иностранных языков, в том числе и русского как иностранного.

ПРИМЕЧАНИЕ. В статье приведены ссылки на следующие источники:

1/ Балаян А. Р. О выделении плана непосредственных коммуникативных действий как необходимого аспекта речевой деятельности//Материалы 1У Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. — М., 1972. — С.162 — 167.

2/ Балаян А. Р., Борзенко С. Г. Некоторые принципы функционального моделирования профессионального диалога для обучения иностранных студентов — медиков//Русский язык для студентов — иностранцев. Сб. методических статей № 22. — М.: Русский язык, 1983. — С.57 — 65.

3/ Греймас А. Ж., Курте Ж. Семиотика. Объяснительный словарь теории языка//Семиотика. — М.: Радуга, 1983. — 639 С.

4/ Давкова И. Э. Отраженная речь при диалоговом взаимодействии: Дис. на соиск. ...канд. филол. наук. — М., 1994. — 181 С.

5/ Кацнельсон С. Д. Речемыслительные процессы//ВЯ. — 1984. — № 4. — С.3 — 12.

6/ Савельева Е. П. Номинации речевых интенций в русском языке и их семантико—прагматическое истолкование: Дис. на соиск. ...канд. филол. наук. — М., 1991. — 199 С.

7/ Хомский Н. Язык и мышление. — М., 1972. — 122 С.

8/ Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса. — М., 1972. — 259 С.

9/ Objectives for foreign language learning V. I. Scope. ed by Jan A. van Ek council for cultural Co—operation. Strasbourg, 1990.

Использованная литература:

1/ Beaugrande R. Text, Discourse and Process. — Norwood, NJ.: Ablex, Longman, 1980. — p.104.

2/ Brown G. Yile G. Discourse Analysis./ Cambridge Textbooks in Linguistics. — Cambridge University Press, 1984. — 288 p.

- 3/ Handbook of Discourse Analysis. — London ets.: Acad. Press. 1985. — vol.1. — Disciplines of Discourse/ Ed. by Teun A. van Dijk. — XYΠ, 302 p.
- 4/ Stabbs M. Discourse Analysis: The Sociolinguistic Analysis of Natural Language. — Oxford: Blackwell, 1983. — X1Y, 252 p.